

“Привлечь к себе любовь пространства...”

О живописи Николая Андропова и о нем самом

Культура. —
1998. — 17-23 окт. — с. 7

Я сидел в мастерской, когда Андронов работал. У него было разгоряченное лицо человека, полностью поглощенного делом. С раздражением отрывался он от холста, вытирал тряпкой руки, в которые навсегда въелась краска. Он взглядывал на пришедшего с некоторой долей иронии, потому что мысленно был весь там — в картине, красках, образах.

Во всем его существе, во взгляде, в похмыкивании проскакивало что-то дьявольское, будто он знал нечто такое, чего другой не знает и о чем даже не догадывается. Андронов был умен, проницателен, ловил мысль на лету, “врубался” сразу же.

Когда я писал роман о живописцах России петровского времени, я сразу подумал, что нужно бы посоветоваться с Николаем Андроновым. И не ошибся. Я получил от него и от Наташи Егоршиной самое драгоценное — непосредственность ощущения жизни художников той эпохи.

С детства Андропова окружала среда, которая способствовала его формированию, — московская семья, отец, профессор математики, его обширная библиотека, интерес к русской истории, литературе. В годы войны Николай жил на родине матери, в одном из сел на реке Суре. Андронов вспоминал: “Я стал свидетелем народного горя, страданий близких. Очень много значили

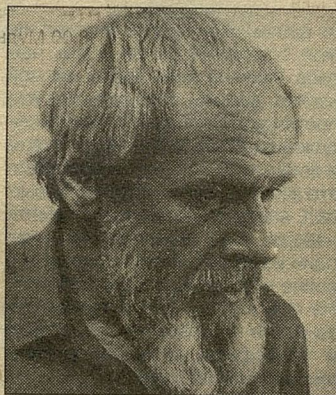
для меня поездки на Север, к нашим национальным истокам...”

Отсюда драматизм живописи Андропова, его тонкое понимание народной жизни. Не слащавое, этикетное, ложное. Истинное. И еще он вспоминал: “Работая над ранними вещами — “Куйбышевская ГЭС”, “Монтажник”, “Плотогоны”, — я проходил определенную профессиональную школу, по-своему восстанавливая искусственно прерванные в 30–40-е годы духовные традиции развития национальной культуры. На строительстве Куйбышевской ГЭС, где работало много заключенных, я оказался свидетелем уничтожения старинного русского города Ставрополя-Волге”.

Когда открылась выставка “30 лет МОССХ” в Манеже, Николай Андронов был представлен на ней большой картиной “Плотогоны”, объявленной злостным формализмом. Была в этой работе внутренняя свобода, раскованность, естественность. Был и своего рода вызов. Партия была непомерно чутка ко всякого рода протестам, самостоятельному мышлению. Николай Андропова исключили из Союза художников.

Андронов надолго уехал на север Вологодской области, в район Ферапонтова монастыря, куда его влекла давнишняя любовь к древнерусскому искусству, к древнерусской монументальной стенописи.

Художник с головой окунулся в

жизнь природы, полную драматизма и даже отчаяния. Его собственные беды, горести и переживания растворились в масштабности драмы разоренной деревни.

Прошло несколько лет. Мастерская Андропова заполнилась замечательными работами на деревенскую тему: “Мертвая лошадь и черная луна”, “Устье. Пейзаж с инвалидом”, “Похороны автора”, “Осенний пейзаж с лошадьми и скворечником”, “Весенняя ночь”, “Проводы”. Лучшие работы за всю его жизнь. Он проявляет себя как истинный мастер композиции, унаследовавший традиции Фаворского, Ларионова, Гончаровой.

Что больше всего ценят в Николае Андронове его единомышленники?

Виктор Попков: “Проводы” — гениальная картина!”

Андрей Васнецов: саврасовский щемящий лиризм.

Павел Никонов: народный примитив, живописная культура, стремление привнести в живопись нечто свое.

Илларион Голицын: Андронов горячо и убедительно говорит о конструкции в живописи.

Михаил Иванов: великий композитор.

Наталья Егоршина: самое ценное и определяющее качество Андропова в профессиональном и человеческом отношении — отвага и бесстрашие в решении любой задачи, поставленной им перед собой.

На что опирается художник Андронов в своей натурной работе? “Лошади, скворечники, собаки, дороги, окна, близкие мне люди, времена года, суток, беды и радости — вот хозяйва живописца”. Он чутко вслушивается в логику материала, нащупывает ясные живописные планы. Вспоминает опыт Кандинского, Малевича, Филонова, Шагала. Нигде в мире нет таких мастеров.

Он выстраивает модель пространства на свой лад, уверенно владеет цвето-тональным методом. Как-то Павел Кузнецов сказал мне, что чистота цвето-пространственного дыхания есть главное достоинство художника. На групповой выставке, куда я привел живого классика, Николай шепнул мне: “Представь нас Павлу Варфоломеевичу!” Кузнецов

очень тепло отнесся ко всей группе, особенно хвалил никоновских “Геологов”, видимо, они были ему очень близки по духу. Сам Андронов признавался, что лирический монументализм Павла Кузнецова ему очень дорог. За высочайший артистизм и умение добиться синтеза с проникновенным примитивизмом Андронов любил живопись Михаила Ларионова.

Я понимаю андроновское творение в русской природе, когда он чувствовал себя свободным, раскованным, язычником.

В его живописи играет, трепещет, дрожит наслаждение бытия. Это потом он трагически почувствует себя одиноким, никому не нужным. Человек ничтожный так почувствовать не может. А личность может. Для меня Андронов всегда останется примером живописца думающего, талантливого, не принимающего позу уклончивого смирения. Он стал действительным членом Академии художеств, получил звание народного художника, лауреата Госпремии, был профессором Суриковского института. Но все эти почетные посты и звания, за которые иной готов поступиться совестью и достоинством, Николай Иванович принимал спокойно. Он знал их цену у нас. И знал цену самому себе. Высшее для него звание — Художник — он нес высоко. И безо всякой земной натуги.

Было в Андронове русское качество с молодости, когда он

жил и учился в Питере, крепко пил, и эта юношеская бесинка в нем не угасала до самого последнего дня его жизни.

В апреле 1999 года в здании Академии художеств будет проведена персональная выставка Николая Ивановича Андропова к 70-летию со дня рождения. И можно будет увидеть личность этого незаурядного мастера во всем ее величии.

Н.Андронов был одним из наиболее верных и крупных продолжателей традиций русского изобразительного искусства, он тонко, трепетно ощущал его глубокие и крепкие корни. Любой его пейзаж заключал в себе объемный и выразительный образ русской природы — ее серенькое небо, безбрежные дали, неповторимую прелесть. Его художническая позиция была нелегкой, принципиальна и тверда. Это та твердость, когда работа диктуется суммой взглядов убежденного мастера, а каждая картина — поступок.

Не случайно студенты Суриковского института сбегались на лекции профессора Н.И.Андропова.

И в следующем веке будет жива память о художнике Николае Андронове, память не только о его цвете, конструкции, объеме, монументальности образа. Будет жива память о его животворящей художнической душе.

Григорий АНИСИМОВ

Андронов Николай

23.12.98